

Глава 15. Красивый, но бесполезный

Когда Ван Чи наконец спустился вниз, прошёл уже целый час.

За этот час один пьяница упорно твердил, что вовсе не пьян, даже продекламировал наизусть всю таблицу умножения, чтобы доказать это. Но Ван Чи не поверил ни на слово — завернул Сяо Чэньюя в одеяло и уложил его спать как следует.

Пока тот не уснул спокойно, пришлось изрядно повозиться.

Только когда удалось наконец освободиться, Ван Чи сразу направился в ванную, и вышел оттуда лишь спустя долгое время — свежий и просветлённый.

Свадебный банкет давно закончился. Когда Ван Чи спустился на первый этаж, Цзинь Сю уже вернулась домой.

Она сидела за столом, перебирая свадебные сладости, принесённые с торжества:

— Чэньюй спит?

— Спит. Перебрал маленько.

— Байцзю слишком крепкое, — сказала Цзинь Сю. — Если Чэньюй любит алкоголь, я лучше сделаю ему домашнее виноградное вино. Завтра днём сходи на рынок, купи побольше винограда, вечером начну ставить.

Ван Чи прошёл на кухню, налил стакан медовой воды, подал ей и сказал:

— Я же днём пил, за руль садиться нельзя. Поеду завтра.

Цзинь Сю на миг растерялась, потом с лёгкой улыбкой добавила:

— Вот память у меня... Тогда завтра и купим.

После этого Цзинь Сю тихо пила медовую воду, а Ван Чи тем временем высыпал конфеты на тарелку, аккуратно поставив её на столе. Разговор между ними не возобновился.

Такое молчание для Ван Чи было привычным. Почти тридцать лет их отношения с матерью оставались именно такими — без тепла, без близости, совсем не похожие на обычные отношения между матерью и сыном.

Лишь когда Цзинь Сю допила воду и собралась идти вздремнуть, Ван Чи с трудом заговорил:

— Мам, это что за простыня с драконами и фениксами?

Цзинь Сю, уже направлявшаяся в спальню, остановилась как вкопанная.

Она всегда славилась мастерством в шитье и вышивке. Когда Ван Чи был ребёнком, он часто наблюдал, как она выводила на ткани изящные узоры, настолько искусно, что соседки приходили учиться у неё. Так что появление у неё такой сложной вышивки — драконов и фениксов, символа счастливого союза, — его нисколько не удивило.

Но все знали, что этот узор означает супружеское благополучие, а на такую вышивку уходят месяцы, а то и годы. Зачем она взялась за неё сейчас?

— Мам, — сказал Ван Чи, — я ведь говорил тебе: я не женюсь. Разве ты забыла?

— Не забыла, — ответила Цзинь Сю, не оборачиваясь. — Эту простыню я вышивала для Сяо Хэ. Если бы он был жив, он бы женился...

Впервые в жизни Ван Чи резко прервал её слова:

— Но я — не Ван Хэ.

Цзинь Сю пошатнулась, опёрлась на дверной косяк, чтобы устоять, и тихо произнесла:

— Знаю. Знаю, что ты — не он. Я просто хотела оставить хоть какую-то память о нём.

Сказав это, Цзинь Сю, пошатываясь, ушла в спальню, оставив Ван Чи одного за столом.

В доме стояла тишина и пустота, но Ван Чи вдруг ощутил, будто сам воздух сжимается, давит на грудь, не давая дышать.

Он достал сигарету, закурил, и, держа её между пальцами, поднялся в кабинет на втором этаже. За книжной полкой нащупал маленький ключ и открыл запертый ящик.

Внутри не оказалось золотых слитков, как предполагал Сяо Чэнъюй, — только самые обычные вещи: старые контрольные работы, потрёпанные грамоты, тетради с сочинениями.

Но на всех этих вещах стояло одно и то же имя — Ван Хэ.

Ван Чи взял в руки старую фотографию.

На снимке мальчик в школьной форме улыбался во весь рот, глядя прямо в объектив. Черты его лица были почти те же, что и у него. Но Ван Чи знал — это не он. Это Ван Хэ.

Как бы сильно он ни походил на Ван Хэ, он всё равно не был им.

Пепел упал на фотографию. Ван Чи очнулся, резко захлопнул ящик.

Он выкурил сигарету у окна, потом пошёл вымыть руки и прямо оттуда направился в спальню. Сел на край кровати и протянул ладонь к лицу Сяо Чэнъюя.

Руки, только что вымытые, были холодные. Сяо Чэнъюй, спящий, чуть отодвинулся, но вскоре снова потянулся к источнику прохлады, прижался щекой к его ладони и во сне чуть заметно потерялся о неё.

Напряжённая спина Ван Чи расслабилась. Он облокотился на изголовье и долго, молча смотрел на Сяо Чэнъюя, не отводя от него взгляда.

К вечеру, когда Ван Чи готовил ужин, Сяо Чэнъюй проснулся.

Сегодня Цзинь Сю не пошла играть в карты, она помогала на кухне разбирать овощи, поэтому Сяо Чэнъюй не стал туда заходить. Он поиграл с собакой во дворе, потом взял её и выбежал за ворота.

В тот день Сяо Чэнъюй был необычно тих. За ужином почти не говорил, ел быстро, и, доев, сразу поднялся наверх. Не как обычно — когда оставался и долго беседовал с Цзинь Сю.

Цзинь Сю удивилась:

— Чего так Чэньюй спешит?

Ван Чи предположил, что тот его избегает:

— Не знаю. Может, перепил днём, теперь сон клонит.

На самом деле Ван Чи не был уверен, помнит ли Сяо Чэньюй, что произошло днём.

Может, он злится, потому что Ван Чи не дал ему пить на свадьбе. А может, вспомнил всё, что случилось после и теперь просто стесняется.

Если первое — Ван Чи придётся извиниться.

Если второе — придётся успокаивать.

Как бы ни сложились обстоятельства, действовать всё равно предстояло Ван Чи.

Но он и представить не мог, что, стоило ему выйти из душа и сесть на кровать, Сяо Чэньюй неожиданно перевернулся и устроился у него на коленях, осыпая лицо беспорядочными поцелуями.

Такого поворота Ван Чи точно не ожидал.

Он не мог понять — Сяо Чэньюй всё помнит или всё-таки нет?

Ван Чи перехватил его за шею и мягко, но твёрдо отстранил. Сяо Чэньюй недовольно нахмурился.

— Эй, ты чего?

— Ты помнишь, что случилось днём? — спросил Ван Чи.

— Конечно помню! — глаза Сяо Чэньюя чуть округлились. — Ты же сам сказал, что будешь встречаться со мной! Зачем спрашиваешь? Не собираешься, часом, от своих слов отказываться?

Значит, всё-таки помнит.

Ван Чи невольно улыбнулся, взъерошил ему волосы и тихо ответил:

— Конечно, нет.

— Вот так-то лучше, — Сяо Чэньюй приподнял подбородок и лукаво посмотрел на него. — Мы ведь уже встречаемся. Разве тебе не хочется меня поцеловать?

Такой прямой, бесхитростный вызов был в его духе.

Сам Ван Чи всегда считал себя человеком с крепкой выдержкой. Но под этим взглядом, под этими словами что-то внутри сорвалось с цепи — кровь закипела, и он, не раздумывая, притянул его к себе.

Ван Чи всегда считал, что обладает немалой выдержкой, но сейчас его взгляд и слова

заставили кровь вскипеть. Не колеблясь ни секунды, он прильнул к его губам.

Губы и зубы сплелись, звуки приглушались шумом кондиционера.

Сяо Чэньюй сидел верхом на Ван Чи, и в такой позе они были слишком близки, ничто не могло укрыться.

Вскоре юноша почувствовал что-то твёрдое внизу, он слегка пошевелился, и Ван Чи тут же резко вдохнул, прикусив его губу.

Тот улыбнулся, глядя ему прямо в глаза:

— Я уже полностью протрезвел.

Подразумевая, что теперь ничто не мешает пойти дальше.

Ван Чи понял намёк, но не собирался позволять событиям развиваться бесконтрольно.

Переспать сразу после начала отношений — они что, случайные партнёры?

Он поднял колено, отодвинув Сяо Чэньюя подальше от своей промежности, и сказал:

— Сегодня нельзя. У нас нет...

Но Сяо Чэньюй, словно предугадав это, ухмыльнулся и ответил:

— Есть!

И, потянувшись к прикроватной тумбочке, достал две пачки презервативов.

— Откуда это здесь? — спросил Ван Чи, глядя на предмет в руках Сяо Чэньюя. В висках у него ощутимо застучала кровь.

— Взял в сельском медпункте.

— Когда успел?

— Перед ужином. Пока ты готовил, я с Юаньбао туда ходил, — с гордостью ответил Сяо Чэньюй. — Видишь, как я всё предусмотрел!

— И ты серьёзно этого хочешь? — тихо спросил Ван Чи.

— Ага. А ты разве нет? — легко отозвался Сяо Чэньюй.

Взгляд Ван Чи стал другим — в глубине глаз вспыхнул огонь.

Сяо Чэньюй этого не заметил. Он, наклонившись, возился с упаковкой, но в следующий миг Ван Чи перехватил его руку и вырвал презервативы, бросив их обратно в тумбочку.

Мужчина притянул Сяо Чэньюя ближе, усадил между своих коленей, пальцами коснулся пояса его пижамных брюк.

[цензурировано — подробности телесного контакта]

Сяо Чэньюй опёрся руками о его колени, дыхание стало сбивчивым.

[цензурировано — описание чувственной сцены]

Ван Чи отстранился, поднял его подбородок и поцеловал.

Сяо Чэньюй прикрыл глаза, отвечая на поцелуй, и его рука на ощупь нашла дорогу к нему, но Ван Чи сразу перехватил запястье:

— Не нужно.

— А? — непонимающе поднял глаза Сяо Чэньюй.

На лбу у Ван Чи выступили капли пота — не от усталости, а от напряжения. Он боялся, что если позволит себе больше, не сможет остановиться.

Сяо Чэньюй, не догадываясь о его мыслях, попытался освободить руку и с искренним удивлением спросил:

— Почему? Разве не должно быть... взаимно?

Ван Чи не удержался от короткого смешка — и от нежности, и от лёгкого смущения.

— Всё ещё хочешь продолжать? — тихо спросил он.

Сяо Чэньюй кивнул без колебаний.

Тогда Ван Чи осторожно уложил его к изголовью, наклонился и...

Сяо Чэньюй опёрся руками на колени Ван Чи, а ногами в кровать, и вскоре его пальцы сжались, а дыхание стало тяжелее.

Ван Чи убрал руку, взял Сяо Чэньюя за подбородок и склонился к нему для поцелуя.

Юноша от удовольствия прищурился, целуясь и одновременно касаясь Ван Чи, рука его постепенно опускалась ниже.

Сяо Чэньюй опустил взгляд, и кончики его ушей тут же вспыхнули...

Ван Чи схватил его за запястье:

— Не надо.

Сяо Чэньюй удивился:

— А?

Ван Чи уже был покрыт потом, но он ни за что не позволил бы Сяо Чэньюю прикоснуться к нему. Сегодня он не планировал доходить до конца, боясь, что, начав, уже не сможет сдержаться.

Откуда Сяо Чэньюю было знать его мысли? Вырвавшись из его хватки, он спросил: — Почему не надо? Вежливость требует взаимности.

Что это за правила? Ван Чи показалось это смешным и милым, он слегка улыбнулся и спросил Сяо Чэньюя:

— Хочешь продолжить?

Сяо Чэньюй тут же кивнул.

Тогда Ван Чи уложил Сяо Чэньюя у изголовья кровати в полусидячее положение и опустил голову.

Сяо Чэньюй взглянул вниз, и кончики его ушей мгновенно покраснели.

Ван Чи... как он посмел...

Он инстинктивно попытался сжать ноги, но сильные руки мягко, но решительно удержали его, не позволяя отстраниться.

Сяо Чэньюй видел только тёмные волосы мужчины, и, не выдержав, быстро отвернулся, чувствуя, как жар поднимается до самого лица.

Лоб юноши был покрыт потом, лицо пылало. Он медленно сполз вниз по изголовью кровати, пока не оказался лёжа, и, глядя в потолок, тяжело задышал.

Ван Чи провёл языком по пересохшим губам, перевернулся и сел на кровати. Взял салфетку и аккуратно помог ему вытереть грязные места.

Сяо Чэньюя клонило в сон.

Он не ожидал, что всего две прелюдии так измотают его, что он не сможет открыть глаза.

Именно такого эффекта и добивался Ван Чи. Увидев, что у Сяо Чэньюя не осталось сил на шалости, он быстро укрыв его одеялом.

— А? — промямлил тот сквозь сон.

— Уже поздно, — спокойно сказал Ван Чи. — Пора спать. На сегодня хватит.

— Но это лишь была прелюдия, ты даже не кончил — Сяо Чэньюй приоткрыл глаза, явно недовольный.

Это же было только начало — а главное впереди! Сяо Чэньюй чувствовал себя обманутым.

— В другой раз, — отрезал Ван Чи. — Я устал.

— Но...

— Спать, — твёрдо произнёс Ван Чи, выключил свет и лёг, повернувшись к нему спиной.

Отказ — решительный и окончательный.

Сяо Чэньюй умолк, но настроение у него явно испортилось.

Это ведь... не совсем честно. Почему Ван Чи не захотел дальше?

Если вспомнить, то это уже второй раз за день, когда Ван Чи его отверг.

Днём можно было списать всё на алкоголь, но сейчас? Всё было готово, и всё равно — отказ.

Оставался лишь один возможный вывод.

Ван Чи... просто не может.

Сяо Чэньюй вспомнил, как тот днём говорил что-то про «пьяным лучше не надо». Может, это не шутка, а личный печальный опыт?

Тогда выходит, всё, что он сделал своим ртом, было лишь просто компенсацией?

Сяо Чэньюй сердито перевернулся на другой бок, уткнувшись лицом в стену.

В груди у него всё сжалось — и обида, и досада.

Ну и дела, подумал он с горечью.

Столько выбирал, присматривался... а в итоге достался человек, который хорош только на вид — красивый, но бесполезный.

<http://bllate.org/book/12345/1101761>